М. Бакунинъ.

УСЫПИТЕЛИ.

ПЕТЕРБУРГЪ.
Книгоиздат. «Равенство».
1906.

5R Зй.-эR3.

„Пров 38“

748
37

„Усыпители“—это рядъ статей, помѣщенныхъ Бакунинымъ въ журналѣ Egalité въ іюнѣ—іюлѣ 1869 года. Какъ большинство другихъ, и эти статьи Бакунина остались неоконченными. Но это не уменьшаетъ ихъ интереса, такъ какъ „каждая брошюра Бакунина, по словамъ П. А. Крапоткина, отмѣчаетъ поворотную точку въ исторіи революціонной мысли въ Европѣ“.

Лига Мира и Свободы, о которой идетъ рѣчь въ этой брошюрѣ, была основана въ 1867 г. Члены ея принадлежали къ наиболѣе передовой радикальной буржуазіи. Бакунинъ тоже сдѣлался членомъ Лиги Мира и Свободы. На конгрессѣ этой Лиги въ Бернѣ въ 1868 г. онъ выставилъ свое требованіе „экономическаго и соціальнаго уравненія классовъ“. „Его рѣчь на конгрессѣ Мира и Свободы, говоритъ П. А. Крапоткинъ, была вызовомъ, брошеннымъ всѣмъ радикаламъ Европы. Бакунинъ объявлялъ въ ней, что эпоха радикализма сороковыхъ годовъ закончена и наступаетъ новый фазисъ революціонной жизни — эра рабочаго соціализма; что рядомъ съ вопросомъ о политической свободѣ, встаетъ вопросъ объ экономической независимости, и этотъ вопросъ будетъ впредь преобладать въ исторіи“. Предложеніе Бакунина встрѣтило рѣшительный отпоръ со стороны большинства Лиги. Онъ остался въ меньшинствѣ

и выйдя изъ состава Лиги, вступилъ въ Международную Рабочую Ассоціацію (Интернаціоналъ), къ которому присоединилось также и меньшинство Бернскаго конгресса, образовавъ особую организацію, носящую названіе „Alliance de la democratie socialiste“ (Союзъ соціалистической демократіи). Этотъ союзъ выпустилъ свою программу, которая была тождественна съ предложенной Бакунинымъ на Бернскомъ конгрессѣ. Въ началѣ 1869 г. союзъ основалъ свой органъ Egalité, въ которомъ Бакунинъ и пропагандировалъ свои идеи.

Хотя, „главная сила Бакунина, по мнѣнію П. А. Крапоткина, была не въ его писаніяхъ, а въ его личномъ вліяніи на людей“, но мы, на долю которыхъ не выпало этого счастія — непосредственнаго общенія съ такой личностью, какъ Бакунинъ, – должны особенно цѣнить каждое его слово, дошедшее до насъ. Написанныя на злобу дня въ боевой памфлетической формѣ, статьи Бакунина, по мнѣнію П. А. Крапоткина, „содержатъ для вдумчиваго читателя больше политической мысли и больше философскаго пониманія исторіи, чѣмъ масса трактатовъ университетскихъ и соціалъ-государственныхъ, въ которыхъ отсутствіе мысли прикрывается туманною, неясною, а слѣдовательно, непродуманною діалектикою. Въ нихъ нѣтъ готовыхъ рецептовъ. Люди, ждущіе отъ книги разрѣшенія всѣхъ своихъ сомнѣній, безъ собственной работы

мысли, не найдутъ этого у Бакунина. Но если вы способны думать самостоятельно, если вы способны не идти слѣпо за авторомъ, а смотрѣть на книгу, какъ на матеріалъ для мышленія, какъ на умную бесѣду, вызывающую у васъ работу ума, тогда горячія, мѣстами безпорядочныя, мѣстами блестящія обобщенія Бакунина помогутъ вашему революціонному развитію несравненно больше, чѣмъ всѣ вышеупомянутые трактаты, написанные съ цѣлью увѣрить васъ, что вы годны только для повиновенія и должны слѣпо идти за авторомъ—въ вашей мысли, и за главаремъ—въ вашей дѣятельности".

Что касается самого Бакунина, его жизни и дѣятельности, то, къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ еще никакой возможности составить сколько-нибудь исчерпывающую біографію этого замѣчательнаго, единственнаго въ своемъ родѣ человѣка. На этотъ разъ мы ограничимся блестящей характеристикой Бакунина, написанной его другомъ, А. И. Герценомъ.

„Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ. Но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны. Развѣ это одно не великое дѣло, что, брошенный судьбою куда бы то ни было и схвативъ двѣ-три черты окружающей среды, онъ отдѣлялъ революціонную струю и тотчасъ принимался вести ее далѣе, раздувать, дѣлать изъ нея страстный вопросъ жизни. Къ страсти проповѣдыванія, агитаціи, пожалуй,

демагогіи, къ безпрерывнымъ усиліямъ учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношенія и придавать имъ огромное значеніе, у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполненіе, готовность погибнуть, отвага принять всѣ послѣдствія. Это натура героическая, оставленная исторіей не у дѣлъ. Онъ тратилъ свои силы иногда на вздоръ такъ, какъ левъ тратитъ шаги въ клѣткѣ, все думая, что выйдетъ изъ нея. Но онъ не риторъ, боящійся исполненія своихъ словъ или уклоняющійся отъ осуществленія своихъ общихъ теорій...

Онъ спорилъ, проповѣдывалъ, распоряжался, кричалъ, рѣшалъ, направлялъ, организовалъ и ободрялъ цѣлый день, цѣлую ночь, цѣлыя сутки. Въ короткія минуты, остававшіяся у него свободными, онъ бросался за свой письменный столъ, расчищалъ небольшое мѣсто отъ золы и принимался писать пять, десять, пятнадцать писемъ въ Семипалатинскъ и Арадъ, въ Бѣлградъ и Царьградъ, въ Бессарабію, Молдавію и Бѣлокриницу. Середь письма онъ бросалъ перо и приводилъ въ порядокъ какого-нибудь отсталаго далмата и, не кончивши своей рѣчи, схватывалъ перо и продолжалъ писать; это, впрочемъ, для него было облегчено тѣмъ, что онъ писалъ и говорилъ объ одномъ и томъ же. Дѣятельность его, праздность, аппетитъ и все остальное, какъ гигантскій ростъ и вѣчный потъ, все было не по человѣче-

скимъ размѣрамъ, какъ онъ самъ; а самъ онъ—исполинъ съ львиной головой, съ всклокоченной гривой.

Въ этомъ человѣкѣ лежалъ зародышъ колоссальной дѣятельности, на которую не было запроса. Бакунинъ носилъ въ себѣ возможность сдѣлаться агитаторомъ, трибуномъ, проповѣдникомъ, главой партіи, секты, іересіархомъ, бойцомъ. Поставьте его, куда хотите, только въ *крайній край*, анабаптистомъ, якобинцемъ, товарищемъ Анахарсиса Клоотса, другомъ Гракха Бабефа, и онъ увлекалъ бы массы и потрясалъ бы судьбами народовъ.

Но онъ любилъ не только ревъ возстанія и шумъ клуба, площади и баррикады, онъ любилъ также и приготовительную агитацію, эту возбужденную и вмѣстѣ съ тѣмъ задержанную жизнь конспираціи, консультаціи, неспанныхъ ночей, переговоровъ, договоровъ, ректификаціи, химическихъ чернилъ и условныхъ знаковъ.

Бакунинъ, не слишкомъ останавливаясь на взвѣшиваніи всѣхъ обстоятельствъ, смотрѣлъ на одну дальнюю цѣль... Онъ увлекалъ не доводами, а желаніемъ. Онъ *хотѣлъ* вѣрить и вѣрилъ... Онъ шагалъ семимильными сапогами черезъ горы и моря, черезъ годы и поколѣнія...

Но Колумбъ безъ Америки и корабля, онъ, прослуживъ противъ воли года два въ артиллеріи, да года два въ Московскомъ гегелизмѣ, торопился оставить край, въ ко-

торомъ мысль преслѣдовалась, какъ дурное намѣреніе, и независимое слово, какъ оскорбленіе общественной нравственности. (Былое и Думы т. III).

Но буржуазный радикалъ, Герценъ, былъ неправъ къ соціалисту, Бакунину: Америкой, къ берегамъ которой направилъ свой корабль этотъ новый Колумбъ, было царство Анархіи; кораблемъ, который несъ отважныхъ борцовъ революціи по чернымъ волнамъ реакціи 50-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ мимо подводныхъ мелей буржуазнаго радикализма и опортюнистской соціалъ-демократіи—была теорія анархизма, впервые обоснованная Бакунинымъ.

Давно покинули пловцы „страну отцовъ“, ужъ многихъ славныхъ смыли враждебныя волны съ палубы корабля, другіе заняли ихъ мѣсто; а „страна дѣтей“ все еще скрыта за горизонтомъ. Но придетъ день, и онъ, быть можетъ, ужъ близокъ, и берега новаго міра встанутъ изъ волнъ сущаго...

I.

Международная ассоціація демократической буржуазіи, именующая себя „*Международной Лигой Мира и Свободы*“ собирается выпустить въ свѣтъ новую программу, или, скорѣе, воззваніе о помощи, обращенное ко всей демократической буржуазіи Европы, которую она умоляетъ не дать погибнуть Лигѣ изъ за недостатка средствъ. Ей недостаетъ нѣсколько тысячъ франковъ, чтобъ продолжать свой журналъ, чтобъ закончить отчетъ о своемъ послѣднемъ съѣздѣ и чтобы имѣть возможность созвать новый съѣздъ; съ этой цѣлью Центральный Комитетъ, доведенный до послѣдней крайности, рѣшилъ открыть подписку и приглашаетъ всѣхъ сочувствующихъ и вѣрующихъ въ эту буржуазную Лигу доказать свое сочувствіе и свою вѣру присылкой денегъ для ея поддержки.

Читая этотъ новый циркуляръ центральнаго Комитета Лиги, думаешь, что слышишь голосъ умирающаго, взывающаго къ мертвымъ: ни одной живой мысли, избитыя фразы и неопредѣленныя обѣщанія, несомнѣнно добродѣтельныя, но безнадежно безплодныя порыванія куда-то, давнымъ-давно осужденныя исторіей за ихъ жалкое безсиліе.

И однако,— надо отдать справедливость Лигѣ Мира и Свободы,—она объединила всѣхъ самыхъ передовыхъ буржуа Европы, самыхъ умныхъ, съ наиболѣе благороднымъ и возвышеннымъ образомъ мыслей, всѣхъ, только за исключеніемъ небольшой кучки людей, хотя и принадлежащихъ по рожденію и воспитанію къ буржуазіи, но проникнутыхъ

глубокимъ убѣжденіемъ, что почтенный классъ утратилъ свое жизненное значеніе и можетъ существовать, принося только ущербъ справедливости и человѣчности; эта группа разъ навсегда порвала съ Лигой всякія сношенія и рѣшительно перешла на сторону рабочихъ, управляемыхъ и эксплуатируемыхъ донынѣ этой самой буржуазіей.

Какъ же могло случиться, что эта Лига, насчитывающая въ своихъ рядахъ столькихъ выдающихся по уму лицъ, столькихъ ученыхъ и искренно либеральныхъ буржуа, теперь явно выказываетъ скудость мысли и очевидную неспособность желать, дѣйствовать и жить? Очевидно, эта неспособность и это умственное убожество зависятъ не отъ индивидуальныхъ качествъ отдѣльныхъ лицъ, но суть органическія свойства всего класса, къ которому эти лица имѣютъ несчастіе принадлежать. Этотъ классъ — буржуазія; какъ политическое и соціальное цѣлое она оказала несомнѣнныя услуги цивилизаціи въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка, но теперь она самой исторіей приговорена къ смерти. Умереть — вотъ та единственная услуга, какую она еще можетъ оказать человѣчеству, которому дотолѣ служила своею жизнью. Но она не хочетъ умирать. Въ этомъ-то и заключается единственная причина ея современной тупости и того постыднаго безсилія, которыми отмѣчены всѣ ея политическія начинанія, какъ національныя, такъ и международныя.

Вполнѣ буржуазная Лига Мира и Свободы хочетъ невозможнаго: она хочетъ, чтобъ буржуазія продолжала существовать и въ то же время содѣйствовала-бы прогрессу. Не признавъ на своемъ съѣздѣ въ Бернѣ, въ концѣ 1867 г., даже существованія соціальнаго вопроса, отвергнувъ на своемъ послѣднемъ конгрессѣ, огромнымъ большинствомъ голосовъ, экономическое и соціальное равенство, она, наконецъ, послѣ долгихъ колебаній, поняла, что, пока не рѣшенъ соціальный вопросъ и принципъ

равенства не проникъ въ жизнь, до тѣхъ поръ абсолютно невозможно двинуться хотя бы на одинъ шагъ впередъ по пути историческаго развитія. Ея циркуляръ приглашаетъ всѣхъ ея членовъ дѣятельно стремиться къ тому, чтобы ускорить приближеніе царства равенства и справедливости. Но въ то же время она ставитъ вопросъ: какую роль будетъ играть буржуазія при рѣшеніи соціальнаго вопроса?

Мы уже отвѣтили ей на это. Если она хочетъ, дѣйствительно, оказать послѣднюю услугу человѣчеству; если ея любовь къ истинной свободѣ, т. е. къ полной, всеобщей и равной для всѣхъ, — искренна; если она хочетъ разъ навсегда положить конецъ реакціи, — ей остается выполнить только одно: красиво и возможно скорѣе покончить съ собой, умереть.

Пусть не поймутъ насъ превратно. Рѣчь идетъ не о смерти отдѣльныхъ лицъ, составляющихъ буржуазію, но о смерти буржуазіи, какъ политическаго и соціальнаго цѣлаго, экономическіе интересы котораго враждебны интересамъ рабочихъ.

Въ данное время каково жизненное содержаніе, смыслъ и цѣль соціальнаго вопроса? Это, какъ признаетъ, наконецъ, и самъ Комитетъ, дѣйствительное осуществленіе равенства. Но тогда развѣ не очевидно, что буржуазія должна погибнуть, такъ какъ ея существованіе, какъ класса привилегированнаго, неизбѣжно ведетъ къ неравенству.

Что бы ни говорили, къ какимъ бы цвѣтамъ краснорѣчія ни прибѣгали, какъ бы ни извращали науку, заставляя ее служить буржуазной эксплуатаціи, — для всякаго здравомыслящаго и честнаго ума теперь ясно какъ день, что, пока для избранныхъ существуютъ особыя средства для жизни, недоступныя для рабочихъ, пока болѣе или менѣе значительное число лицъ получаютъ въ наслѣдство капиталы и земли, въ которыя они не вложили ни

капли своего собственнаго труда, между тѣмъ, какъ громадное большинство трудящихся не получаютъ вовсе никакого наслѣдства; пока процентъ съ капитала и земельная рента позволяютъ этимъ привилегированнымъ жить безъ труда, или, въ лучшемъ случаѣ, посвящая себя исключительно умственному труду, между тѣмъ какъ громадное большинство принуждено добывать себѣ пропитаніе тяжелымъ физическимъ трудомъ; пока, однимъ словомъ, всѣ граждане, безъ исключенія, не будутъ пользоваться одними и тѣми же средствами существованія, воспитанія, образованія, труда и наслажденія,—до тѣхъ поръ политическое, экономическое и соціальное равенство будетъ оставаться недосягаемой мечтой.

Нѣкогда, во имя равенства, буржуазія низвергла аристократію. Во имя того же равенства мы требуемъ теперь насильственной смерти буржуазіи или ея добровольнаго самоубійства, съ тою только разницею, что мы, не будучи такъ кровожадны, какъ была нѣкогда буржуазія, желаемъ уничтоженія не людей, а утратившихъ свое значеніе учрежденій и привилегій. Если буржуазія смирится и пойдетъ навстрѣчу требованіямъ времени, ни одинъ волосъ не упадетъ съ ея головы. Но горе ей, если, забывъ осторожность и жертвуя своими личными интересами классовымъ интересамъ, уже осужденнымъ на смерть, она возстанетъ противъ исторической и народной справедливости, чтобы спасти свои привилегіи, часъ которыхъ уже пробилъ!

„Egalité“, 26-го іюля 1869 г.

II.

Надъ чѣмъ слѣдуетъ задуматься сторонникамъ Лиги Мира и Свободы, — такъ это надъ жалкимъ финансовымъ положеніемъ, въ которомъ очутилась эта Лига на третьемъ году своего существованія. Что демократическая буржуазія, наиболѣе радикальная въ Европѣ, объединившись, не могла создать прочной организаціи, не могла вызвать къ жизни ни одной новой и плодотворной мысли, это — фактъ, безъ сомнѣнія, весьма прискорбный для нынѣшней буржуазіи; но насъ онъ не удивляетъ, потому что для насъ вполнѣ ясна причина этого скудоумія и безсилія мысли. Но какъ случилось, что эта Лига, вполнѣ буржуазная и которая, какъ таковая, очевидно состоитъ изъ членовъ, несравненно болѣе состоятельныхъ и могущихъ болѣе свободно, чѣмъ члены Международной Ассоціаціи рабочихъ, располагать своими средствами, какъ это случилось, что она теперь погибаетъ изъ-за недостатка матеріальныхъ средствъ, между тѣмъ какъ рабочіе Интернаціонала, жалкіе, угнетаемые массой гнусныхъ принудительныхъ законовъ, лишенные образованія, досуга и удрученные притупляющей работой, съумѣли создать въ короткое время грозную международную организацію и выпустить въ свѣтъ цѣлую массу журналовъ, брошюръ и книгъ, выражающихъ ихъ нужды, желанія и мысли? Рядомъ съ умственнымъ и нравственнымъ банкротствомъ, уже признаннымъ въ должной степени, откуда же еще это финансовое банкротство Лиги Мира и Свободы?

Какъ! всѣ или почти всѣ радикалы Швейцаріи, соединившіеся съ націоналистами Германіи, демократами-гарибальдійцами Италіи, съ радикальной демократіей Франціи, Испаніи и Швеціи, насчитывающіе въ своихъ рядахъ такихъ великихъ политическихъ вождей, какъ М. Гаусманъ и всѣхъ ре-

дакторовъ Zukunft, такіе умы какъ М. М. Лемонье, Густавъ Фогтъ и Барни; такихъ богатырей, какъ Армандъ Гегъ и Шодей, изъ которыхъ каждый внесъ свою лепту въ дѣло созданія Лиги Мира и Свободы; послѣ того какъ ея выступленіе въ свѣтъ напутствовали своими благословеніями Гарибальди, Кине и Якоби Кёнигсбергъ, эта Лига, провлачивши жалкое существованіе въ продолженіе двухъ лѣтъ, должна умереть изъ-за недостатка нѣсколькихъ тысячъ франковъ! Какъ! Даже символическое и патетическое объятіе Арманда Гега съ Шодей, которые, будучи представителями, первый—большой нѣмецкой партіи, второй—большой націи, въ присутствіи конгресса бросились на шею другъ другу, взывая передъ остолбенѣвшимъ собраніемъ: Рахъ! Рахъ! Рахъ! и заставили плакать отъ энтузіазма и восторга маленькаго Теодора Бека изъ Берна; даже такой исключительный пріемъ не расшевелилъ и не растрогалъ сухія сердца Европейской буржуазіи и не заставилъ ее развязать кошельки, не привлекъ ни одной копѣйки!

Развѣ буржуазія уже обанкротилась? Нѣтъ еще. Или она уже перестала стремиться къ свободѣ и миру? Вовсе нѣтъ; она попрежнему любитъ свободу, разумѣется, при условіи, чтобы эта свобода существовала только для нея, т. е. при условіи, что она будетъ попрежнему свободно осуществлять на дѣлѣ рабство народныхъ массъ, которыя въ современныхъ конституціяхъ, не пользуясь ни свободой, ни правами, ни матеріальными средствами, попрежнему неизмѣнно подчинены игу буржуазіи. Что же касается мира, то никогда буржуазія не чувствовала такъ сильно потребность въ немъ, какъ теперь: вооруженный миръ, который въ данное время давитъ Европейцевъ, безпокоитъ ее, обезсиливаетъ и разоряетъ.

Чѣмъ же объяснить, что буржуазія, еще не обанкротившись и все еще цѣня миръ и свободу, не

хочетъ пожертвовать ни одной копѣйки для поддержанія Лиги Мира и Свободы?

Объясняется очень просто: у буржуазіи нѣтъ вѣры въ эту Лигу. А почему нѣтъ вѣры? Потому что у нея нѣтъ вѣры въ самое себя. Вѣрить — это значитъ страстно желать а она безвозвратно потеряла способность желать. Дѣйствительно, чего можетъ она желать теперь, какъ отдѣльный классъ? Развѣ она не обладаетъ всѣмъ, чего можно только пожелать: богатствомъ, наукой, исключительной властью? Правда, ей не особенно по вкусу установившаяся за послѣднее время военная диктатура, которая, надо признаться, немножко жестко оказываетъ ей свое покровительство; но она хорошо понимаетъ необходимость этого покровительства и мудро ему покоряется, зная прекрасно, что въ тотъ моментъ, когда эта диктатура будетъ разбита, она сама потеряетъ все и перестанетъ существовать. А вы, граждане Лиги, просите ее, чтобы она дала вамъ свои деньги и соединилась съ вами въ дѣлѣ разрушенія этой спасительной диктатуры! Она не такъ глупа! Одаренная болѣе практичнымъ умомъ, чѣмъ вы, она понимаетъ свои интересы лучше, чѣмъ вы.

Вы усиленно стараетесь убѣдить ее, указывая ей ту пропасть, къ которой она фатально приближается, идя по этому пути эгоистичнаго и жестокаго самосохраненія. Вы думаете, она сама не видитъ ее, этой пропасти? Ошибаетесь. Она чувствуетъ такъ же хорошо, какъ и вы, приближеніе катастрофы, которая должна поглотить ее. Но ею руководитъ слѣдующій разсчетъ: если мы поддержимъ все, какъ оно есть, говорятъ себѣ буржуазные консерваторы то можно надѣяться, что существующаго порядка еще хватитъ на нашъ вѣкъ, а послѣ насъ — хоть потопъ! Если же мы дадимъ себя увлечь на путь радикализма и низвергнемъ сильную власть, нынѣ установленную, мы немедленно должны погибнуть. И такъ, пусть лучше все остается такъ, какъ есть.

Буржуазные консерваторы лучше понимаютъ современное положеніе, чѣмъ буржуазные радикалы. Не поддаваясь иллюзіямъ, они понимаютъ, что между отживающимъ буржуазнымъ строемъ и соціализмомъ, который долженъ занять его мѣсто, никакая мировая сдѣлка невозможна. Вотъ почему всѣ дѣйствительно практическіе умы и всѣ полные кошельки буржуазіи поворачиваютъ въ сторону реакціи, а на долю Лиги Мира и Свободы остаются сентиментальные либералы съ тощими кошельками. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ этого и явилось то, что добродѣтельная, но злосчастная Лига стоитъ теперь наканунѣ двойного банкротства.

Всего лучше можетъ доказать умственную, нравственную и политическую смерть буржуазнаго радикализма, его творческое безсиліе, неспособность создать что-либо; доказательства этого мы видимъ повсюду: во Франціи, въ Германіи, въ Италіи, а особенно яркія доказательства даетъ Испанія.

Вотъ уже прошло приблизительно девять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ разразилаеь и одержала побѣду революція въ Испаніи. Буржуазія имѣла если не власть, то, по крайней мѣрѣ, всѣ средства, чтобы захватить власть.

И что же она сдѣлала? Утвердила королевскую власть и установила регентство Серрано.

III.

Какъ бы ни было глубоко наше отвращеніе, наше недовѣріе и наше презрѣніе къ современной буржуазіи, но въ нѣдрахъ этого класса мы должны отмѣтить двѣ группы, которыя, какъ мы надѣемся, рано или поздно проявятъ ту или иную воспріимчивость къ соціалистической пропагандѣ и, движимыя одна—самою силою вещей и сознаніемъ своихъ

истинныхъ интересовъ, а другая —идеальными стремленіями, примутъ вмѣстѣ съ нами участіе въ разрушеніи современной несправедливости и въ созиданіи новаго общества.

Я говорю о *мелкой буржуазіи*, и о *школьной* и *университетской молодежи*.

Въ другой статьѣ я коснусь отдѣльно вопроса о мелкой буржуазіи; теперь же поговоримъ о буржуазной молодежи.

Правда, дѣти буржуазныхъ семей наслѣдуютъ чаще всего сознаніе своихъ правъ на привилегіи, вмѣстѣ съ узкими предразсудками и эгоистическими инстинктами своихъ отцовъ. Но пока они еще юны, въ нихъ еще нельзя совершенно отчаяваться. Въ юношествѣ есть энергія, ширь великодушныхъ порывовъ и прирожденный инстинктъ справедливости, которые и составляютъ противовѣсъ гибельнымъ вліяніямъ. Развращенная примѣромъ и наставленіями своихъ отцовъ, молодежь не испорчена еще собственнымъ опытомъ жизни; ея личная дѣятельность еще не вырыла пропасти между ею и справедливостью; что же касается вредныхъ отцовскихъ традицій, то противовѣсомъ имъ служитъ духъ противорѣчія и инстинктивнаго протеста, всегда свойственный молодымъ поколѣніямъ по отношенію къ поколѣніямъ отживающимъ. Молодежь непочтительна, она инстинктивно презираетъ традиціи и авторитеты. Въ этомъ ея сила и ея спасеніе.

Затѣмъ слѣдуетъ благотворное вліяніе ученія, науки. Да, поистинѣ благотворное, но только при условіи, что ученіе не должно быть лжеученіемъ, а наука не должна быть пропитана развращающимъ доктринерствомъ въ угоду оффиціальной лжи и несправедливости.

Къ несчастію, въ настоящее время преподаваніе и наука, въ громадномъ большинствѣ Европейскихъ школъ и университетовъ, извращены систематиче-

ской и предумышленной ложью. Можно подумать, что эта фальшь и ложь нарочно вводятся для умственной и нравственной порчи буржуазной молодежи. Современные университеты, это—лавчонки, монополизировавшіе продажу лжи оптомъ и въ розницу.

Не говоря ужъ о теологіи, наукѣ божественной лжи, ни о юриспруденціи, наукѣ человѣческой лжи, не говоря также о метафизикѣ и умозрительной философіи, наукѣ всѣхъ полузаблужденій, — всѣ остальныя науки: исторія, философія, политика, политическая экономія, — фальшивы по существу, потому что онѣ, не опираясь на ихъ дѣйствительную основу—естествознаніе, всѣ имѣютъ въ своемъ основаніи все ту же теологію, метафизику и юриспруденцію.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, всякій молодой человѣкъ, окончившій университетъ и напичканный этими науками или, вѣрнѣе сказать, этими систематизированными заблужденіями и полузаблужденіями, погибъ для соціализма, если какія-нибудь счастливыя обстоятельства не спасутъ его. Профессора, эти современные апостолы патентованнаго обмана, политическаго и соціальнаго, привили ему такой сильный ядъ, что только чудо можетъ исцѣлить его. Онъ выходитъ изъ университета законченнымъ доктринеромъ, исполненнымъ самодовольства и презрѣнія къ народной черни, которую онъ считаетъ себя въ правѣ угнетать и эксплуатировать въ силу своего умственнаго и нравственнаго превосходства. И чѣмъ онъ увѣреннѣе, тѣмъ онъ зловреднѣе.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ точными науками и естествознаніемъ. Это дѣйствительно настоящія науки! Чуждыя теологіи и метафизики, онѣ не содержатъ въ себѣ никакихъ фантазій и основываются исключительно на опытѣ и наблюденіи, изъ которыхъ дѣлаются логически обоснован-

ные выводы, доступные повѣркѣ и критикѣ каждаго. На сколько отвлеченныя науки авторитетны и аристократичны, на столько естественныя—демократичны и либеральны, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова.

И что-же мы видимъ? Въ то время, какъ почти всѣ молодые люди, посвятившіе себя изученію отвлеченныхъ наукъ, горячо сочувствуютъ всякому доктринерству и присоединяются къ партіи эксплуататоровъ и реакціонеровъ, юноши, изучающіе естественныя науки, съ неменьшей горячностью вступаютъ въ ряды революціонеровъ. Многіе между ними—явные соціалисты, революціонеры, какъ и мы. Вотъ та молодежь, на которую мы возлагаемъ наши надежды.

Какъ выяснилось на послѣднемъ съѣздѣ въ Льежѣ, вся эта умная, великодушная университетская молодежь въ самомъ непродолжительномъ времени объединится съ Международной Ассоціаціей Рабочихъ, образовавъ въ ней новую секцію. Содѣйствіе молодежи весьма цѣнно, но только при условіи, если она поймете, что назначеніе науки въ данное время не господствовать надъ трудомъ, но служить ему, и что, прежде чѣмъ учить рабочихъ, нужно сначала самой молодежи многому у нихъ научиться. Революціонное студенчество составляетъ часть буржуазной молодежи; рабочіе-же, это—юношество всего человѣчества; въ себѣ несутъ они все будущее міра. Въ готовящейся борьбѣ рабочіе составятъ ядро арміи, студенты же — только авангардъ.

Но возвратимся къ этой злосчастной Лигѣ Мира и Свободы. Какъ объяснить, что на ея конгрессахъ совершенно отсутствуетъ молодежь? А это потому, что для однихъ, доктринеровъ, она слишкомъ прогрессивна, а для соціалистическаго меньшинства—она слишкомъ отстала. Что же касается остальной массы студенчества, шкурниковъ, молодыхъ людей,

далекихъ отъ дѣйствительной жизни и равнодушныхъ ко всему тому, что не служитъ пошлой забавой въ настоящемъ и прибыльнымъ занятіемъ въ ближайшемъ будущемъ, то эти совсѣмъ даже и не подозрѣваютъ о существованіи Лиги Мира и Свободы.

Когда Линкольнъ былъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, покойный полковникъ Дугласъ, бывшій тогда однимъ изъ наиболѣе видныхъ представителей побѣжденной партіи, вскричалъ: „Наша партія погибла: молодежь не за насъ!“ Эта бѣдная Лига никогда не знала юности; она явилась на свѣтъ уже въ преклонномъ возрастѣ и, не доживъ вѣка, скончаетъ свои дни.

И такова судьба всѣхъ партій Европейской радикальной буржуазіи. Ея существованіе было только прекрасной грезой. Она грезила во время Реставраціи и Іюльской монархіи. Въ 1848 году, выказавъ полную неспособность создать что либо реальное, она пережила плачевное паденіе, и сознаніе своей неспособности и своего безсилія довело ее почти до реакціи. Послѣ 1848 года она имѣла несчастіе пережить самое себя. И она все еще грезитъ! Но это уже не греза о будущемъ; это — обращенная въ прошедшее мечта старика, въ прошедшее, никогда реально не существовавшее. И среди этихъ упорныхъ и тяжеловѣсныхъ мечтаній, она съ тревогой чувствуетъ вокругъ себя біеніе новой жизни, нарождающееся могучее будущее. Это будущее— міръ рабочихъ.

Шумъ, производимый ими, наконецъ, наполовину разбудилъ ее. Долго она не хотѣла считаться съ ними, отрицала ихъ, но, наконецъ, должна была признать ту реальную силу, которую они несутъ въ себѣ; она видитъ, что въ нихъ бьетъ ключемъ жизнь, которой недоставало всегда ей самой, и желая спасти себя сліяніемъ съ ними, она старается теперь преобразиться. Она уже не называетъ

себя радикальной демократіей; она изобрѣла *буржуазный соціализмъ*.

Подъ этимъ новымъ флагомъ она существуетъ всего одинъ годъ. Въ слѣдующей статьѣ мы укажемъ, что ею сдѣлано за этотъ годъ.

„Egalité“, 10-го іюля 1869 г.

IV.

Наши читатели могутъ, пожалуй, спросить себя, почему мы занимаемся Лигой Мира и Свободы, разъ мы признали ее за умирающаго, дни котораго сочтены; почему мы не предоставимъ ей спокойно умереть, какъ умеръ бы человѣкъ, которому нечего болѣе дѣлать на этомъ свѣтѣ. Но мы и не желали-бы ничего лучшаго, какъ предоставить ей мирно окончить свои дни, и не стали бы ничего говорить о ней, еслибъ она передъ своей смертью не угрожала подарить насъ довольно непріятнымъ наслѣдствомъ,—*буржуазнымъ соціализмомъ*.

Какъ оно ни непріятно, мы бы не обратили вниманія на это незаконное дѣтище буржуазіи, еслибъ на него была возложена только миссія направить буржуазію на путь соціализма; и, не вѣря въ него и не ожидая ни малѣйшаго успѣха отъ этихъ усилій, мы все же могли бы умилиться, созерцая его великодушныя, но безплодныя порыванія, еслибъ онъ не преслѣдовалъ въ то же время цѣль діаметрально противоположную и, по нашему мнѣнію, крайне безнравственную, а именно,—распространеніе среди рабочихъ классовъ буржуазныхъ тенденцій.

Буржуазный соціализмъ, какъ ублюдокъ, очутился между двухъ органически враждебныхъ міровъ: между міромъ буржуазіи и міромъ рабочихъ; его двусмысленная и тлетворная дѣятельность, съ одной стороны, ускоряетъ смерть буржуазіи, это правда;

но съ другой, — онъ развращаетъ пролетаріатъ при самомъ его зарожденіи. Онъ развращаетъ пролетаріатъ двояко: во первыхъ, съуживая и искажая его принципъ и его программу; а во-вторыхъ — пробуждая въ немъ несбыточныя надежды, связанныя съ наивной вѣрой въ будущее преобразованіе буржуазіи. Въ концѣ же концовъ, всѣ усилія буржуазнаго соціализма направлены къ тому, чтобы вовлечь пролетаріатъ въ буржуазную политику и сдѣлать его орудіемъ для достиженія своихъ цѣлей.

Что же касается основного принципа, имъ исповѣдуемаго, то буржуазный соціализмъ попалъ здѣсь въ весьма затруднительное и двусмысленное положеніе; не имѣя достаточной смѣлости и искренности, чтобы держаться какого-нибудь опредѣленнаго принципа, онъ старается сочетать въ одинъ два абсолютно исключающіе одинъ другой, принципа; а именно: онъ хочетъ сохранить буржуазіи частную собственность на капиталъ и на землю, и въ то же время объявляетъ великодушную готовность обезпечить благосостояніе рабочаго. Даже больше: онъ обѣщаетъ рабочему полное пользованіе плодами своего труда что, однако, возможно въ дѣйствительности только въ томъ случаѣ, если капиталъ не будетъ приносить прибыли, а земля—дохода, потому что прибыль и земельная рента предварительно вычитаются изъ результата труда.

Также онъ хочетъ сохранить буржуазіи ея теперешнюю свободу, которая есть ничто иное, какъ право эксплуатировать трудъ рабочихъ, право, основанное на силѣ капитала и собственности; и обѣщаетъ въ то же время пролетаріату полное экономическое и соціальное равенство: равенство эксплуатируемыхъ и эксплуататоровъ!

Онъ удерживаетъ право наслѣдства, т. е. право для дѣтей богачей родиться въ богатствѣ, а для дѣтей бѣдняковъ родиться въ бѣдности, и въ то же

время обѣщаетъ всѣмъ дѣтямъ равенство воспитанія и образованія, требуемое справедливостью.

Въ угоду буржуазіи, онъ удерживаетъ неравенство экономическихъ условій, естественное послѣдствіе права на наслѣдство, и обѣщаетъ пролетаріату, что, по его системѣ, всѣ будутъ одинаково обязаны трудиться, и различіе въ приложеніи труда будетъ зависѣть только отъ способностей и природныхъ наклонностей каждаго.

Это было бы возможно при двухъ условіяхъ, изъ которыхъ оба одинаково абсурдны: или, если государство, могущество котораго буржуазные соціалисты ненавидятъ подобно намъ принудитъ дѣтей богачей работать точно такъ же, какъ работаютъ дѣти бѣдняковъ, — а это привело бы насъ прямо къ деспотическому государственному коммунизму;—или, всѣ дѣти богачей, не будучи вынуждены необходимостью, станутъ изъ великодушія добровольно работать съ утра до вечера, наравнѣ съ тѣми, кого гонитъ на работу нищета и голодъ. И даже при этомъ предположеніи, опираясь только на тотъ естественный психологическій и соціологическій законъ, вслѣдствіе котораго два человѣка, находящіеся подъ разными вліяніями, никогда не могутъ быть равны, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что человѣкъ, работающій по принужденію, всегда оказался бы низшимъ, зависимымъ и подвластнымъ по отношенію къ человѣку, работающему по доброй волѣ.

Особенно характернымъ признакомъ буржуазнаго соціализма является его *крайній индивидуализмъ*. Буржуазный соціалистъ такъ же, какъ и простой буржуа, приходитъ въ неописуемый ужасъ, какъ только рѣчь заходитъ о коллективной собственности. Прирожденный врагъ ея, онъ, естественно, является врагомъ и коллективнаго труда и, не будучи въ состояніи совершенно вычеркнуть его изъ своей программы изъ боязни войти въ противорѣчіе

съ такъ усердно пропагандируемымъ имъ принципомъ свободы, онъ старается отвести очень большое мѣсто труду индивидуальному.

Но что такое индивидуальный трудъ? Во всѣхъ работахъ, гдѣ непосредственно участвуетъ физическая сила и ловкость человѣка, т. е. во всемъ, что носитъ названіе товарнаго производства, это—безсиліе; изолированный трудъ отдѣльныхъ лицъ, какъ бы сильны и ловки они ни были, никогда не въ состояніи конкуррировать съ коллективнымъ трудомъ многихъ людей, сплотившихся и съорганизовавшихся. Индивидуальнымъ трудомъ въ современной промышленности называютъ ничто иное, какъ эксплуатацію коллективнаго труда рабочихъ отдѣльными лицами, привиллегированными представителями капитала или науки. Но съ того момента, какъ прекратится эта эксплуатація, - буржуазные соціалисты увѣряютъ, по крайней мѣрѣ, что они стремятся къ ея прекращенію такъ же, какъ и мы, — съ этого момента въ промышленности не будетъ мѣста иному труду, кромѣ труда коллективнаго, а, слѣдовательно, и иной собственности, кромѣ собственности коллективной.

Индивидуальный трудъ будетъ примѣнимъ только въ умственномъ производствѣ, въ работѣ духа. А потомъ: умъ величайшаго генія на землѣ не есть-ли ничто иное, какъ продуктъ коллективнаго, умственнаго, а также и техническаго труда всѣхъ отжившихъ и нынѣ живущихъ поколѣній? Чтобы убѣдиться въ этомъ съ полной очевидностью, стоитъ только представить себѣ этого самаго генія, перенесеннымъ въ самомъ раннемъ дѣтствѣ на пустынный островъ; предположимъ, что онъ не погибнетъ тамъ съ голоду; что же изъ него выйдетъ? Животное, звѣрь, не умѣющій произнести ни слова, а слѣдовательно, неспособный даже къ элементарному мышленію; перенесите его туда въ десятилѣтнемъ возрастѣ; чѣмъ онъ станетъ черезъ нѣ-

сколько лѣтъ? Все еще звѣремъ, утратившимъ способность владѣть рѣчью и сохранившимъ отъ своего прошлаго человѣческаго состоянія только неясный инстинктъ. Наконецъ, перенесите его въ возрастѣ двадцати, тридцати лѣтъ на срокъ отъ десяти до двадцати лѣтъ, — онъ отупѣетъ. Въ лучшемъ случаѣ изобрѣтетъ какую-нибудь новую религію!

Что же все это доказываетъ? Это доказываетъ, что человѣкъ, даже наиболѣе одаренный, получаетъ отъ природы только способности, но эти способности умираютъ, если онѣ не питаются могучими соками культуры, которая есть результатъ техническаго и интеллектуальнаго труда всего человѣчества. И отсюда уже логически вытекаетъ, что чѣмъ больше дано человѣку природой и чѣмъ больше почерпнулъ онъ изъ сокровищницы коллективнаго богатства всего человѣчества, тѣмъ большій вкладъ въ нее долженъ онъ сдѣлать, по всей справедливости!

Хотя большая часть умственной работы и могла бы лучше и успѣшнѣе выполняться въ сотрудничествѣ, чѣмъ въ одиночку, тѣмъ не менѣе мы охотно признаемъ, что есть много такихъ работъ, которыя требуютъ исключительно индивидуальнаго труда. Но какое заключеніе можно вывести изъ этого? Что изолированный трудъ генія или таланта, будучи болѣе рѣдкимъ, болѣе полезнымъ и болѣе цѣннымъ, чѣмъ трудъ обыкновенныхъ работниковъ, долженъ и лучше оплачиваться, чѣмъ этотъ послѣдній? А на какомъ основаніи, скажите, пожалуйста? Развѣ эта работа тяжелѣе физической работы? Нисколько; несравненно тяжелѣе послѣдняя. Умственный же трудъ, напротивъ, привлекателенъ самъ по себѣ и въ самомъ себѣ заключаетъ награду, не нуждаясь въ денежномъ вознагражденіи. Преклоненіе и признательность современниковъ, свѣтъ, который онъ вноситъ въ жизнь, и благо, которое онъ даетъ людямъ, — вотъ его награда. Вы,

гг. буржуазные соціалисты, такъ преклоняющіеся передъ идеаломъ, не находите-ли вы, что эта награда стоитъ всякой другой?! Или, можетъ быть, вы предпочитаете болѣе осязательную награду, въ видѣ звонкой монеты?

А потомъ, вы оказались бы въ большомъ затрудненіи, еслибъ вамъ пришлось организовать склады интеллектуальныхъ продуктовъ генія. Это, какъ хорошо замѣтилъ Прудонъ, величины несоизмѣримыя онѣ или ничего не стоятъ, или же стоятъ милліоны... Вамъ пришлось бы ускорить уничтоженіе права на наслѣдство, такъ какъ дѣтямъ геніевъ и талантовъ пришлось бы, въ такомъ случаѣ, получать наслѣдства въ милліоны или сотни тысячъ франковъ; замѣтьте при этомъ, что эти дѣти, обыкновенно, вслѣдствіе ли естественнаго, но еще неоткрытаго закона, вслѣдствіе ли привиллегированнаго положенія, созданнаго трудами ихъ отцовъ, обыкновенно отличаются своею посредственностью, а зачастую бываютъ даже совсѣмъ глупыми людьми. Но тогда что же станется съ той распредѣлительной справедливостью, о которой вы такъ любите говорить и которой вы стараетесь покорить насъ? Какъ осуществится то равенство, которое вы намъ обѣщаете?

Очевидный выводъ изъ всего сказаннаго, какъ намъ кажется, тотъ, что изолированные труды индивидуальнаго знанія, вся работа ума, какъ изобрѣтающая, такъ и прикладная, должны быть безплатны.

Но тогда чѣмъ же будутъ жить люди таланта? Но, Боже мой! Они будутъ жить, какъ всѣ, физическимъ коллективнымъ трудомъ. Какъ! Вы хотите принудить великіе умы къ физическому труду, наравнѣ съ другими, низшими умами?!

Да, мы хотимъ этого, хотимъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, мы убѣждены, что великіе умы не только ничего не потеряютъ отъ этого, но, напротивъ, значительно выиграютъ въ отношеніи здо-

ровья тѣла и укрѣпленія ума; а особенно выиграетъ при этомъ духъ солидарности и справедливости. Во-вторыхъ, это единственное средство поднять и облагородить физическій трудъ, и чрезъ это установить истинное равенство между людьми.

„Egalité“, 17-го іюля 1869 г.

V.

Теперь мы разсмотримъ наиболѣе значительныя средства, рекомендуемыя буржуазнымъ соціализмомъ для освобожденія рабочаго класса и намъ будетъ легко доказать, что каждое изъ этихъ средствъ или фантастично, или подъ очень почтенною внѣшностью прячетъ лицемѣріе и ложь. Ихъ три по числу: 1) *народное образованіе*, 2) *кооперація* и 3) *политическая революція*.

Что касается перваго, то прежде всего мы спѣшимъ заявить, что это одинъ изъ пунктовъ въ которомъ мы совершенно солидарны съ буржуазными соціалистами. *Образованіе народу необходимо*. Только тѣ, которые хотятъ вѣчнаго рабства народныхъ массъ, могутъ не желать его или сомнѣваться въ его необходимости. Мы такъ убѣждены, что образованіе есть мѣрило степени свободы, преуспѣянія и гуманности, могущей быть достигнутой какъ отдѣльными лицами, такъ и цѣлыми классами, что мы требуемъ для пролетаріата не только доступа къ *начальному* образованію, но требуемъ для него *всего* образованія, полнаго, во всемъ его совершенномъ объемѣ, чтобъ не было никакого класса людей съ высшимъ образованіемъ, стоящихъ гдѣ-то выше пролетаріата и призваннаго руководить и на-

правлять, или, выражаясь точнѣе, эксплуатировать его! Чтобы не было никакой аристократіи ума!

По моему, изъ всѣхъ аристократій, поочередно, а иногда и всѣ заразъ угнетавшихъ человѣческое общество, эта, такъ называемая аристократія ума, есть самая гнусная, самая спѣсивая, наиболѣе несносная и тираническая! Родовой аристократъ говоритъ вамъ: „Вы очень милы, но вы не знатны!“ Это оскорбленіе еще можно стерпѣть. Денежная аристократія признаетъ за вами всякаго рода достоинства, „но, прибавляетъ она, у васъ нѣтъ ни копѣйки!“ Все это терпимо, такъ какъ то и другое не болѣе какъ признаніе факта, въ большинствѣ случаевъ не говорящаго въ пользу обидчика. Но аристократъ ума говоритъ вамъ: „Вы ничего не знаете, ничего не понимаете, вы - оселъ, и я, высокообразованный человѣкъ, долженъ васъ осѣдлать и ѣхать на васъ“. Вотъ кто нестерпимъ.

Аристократія ума, это любимое дѣтище современнаго доктринерства, это послѣднее прибѣжище духа господства, причинившаго міру съ самаго начала исторіи такъ много горя и санкціонировавшаго всѣ Государства; этотъ смѣшной и притязательный культъ патентованнаго ума, — могъ зародиться только въ нѣдрахъ буржуазіи. Родовая аристократія не нуждалась въ наукѣ, чтобы оправдать свое право на господство. Она строила свое могущество на непреодолимыхъ аргументахъ одѣтыхъ въ желѣзныя перчатки кулаковъ, освященныхъ къ тому же Божіимъ благословеніемъ. Феодальная аристократія господствовала насиліемъ, а Церковь благословляла насиліе, — такова божественная природа ея права. Это тѣсное единеніе торжествующей грубой силы и божественной санкціи давало ей громадный престижъ и положило начало извѣстнаго рода *рыцарской* доблести, покорявшей ей всѣ сердца.

Буржуазія, лишенная всѣхъ этихъ добродѣтелей и этихъ преимуществъ, въ основаніе своего права

кладетъ только одинъ аргументъ: весьма осязательную, хотя и прозаичную власть денегъ. Это — циничное отрицаніе всѣхъ добродѣтелей: если у тебя есть деньги, какой бы негодяй или олухъ ты ни былъ, ты имѣешь всѣ права; если у тебя нѣтъ ни копѣйки, каковы бы ни были твои личныя заслуги, ты — ничто. Вотъ основной принципъ буржуазіи въ его неприглядной наготѣ. Понятно, что такой аргументъ, какъ бы могучъ онъ ни былъ, не можетъ еще быть достаточенъ для установленія, и въ особенности для упроченія, могущества буржуазіи. Человѣческое общество такъ ужъ устроено, что оно охотно мирится съ самыми предосудительными вещами, лишь бы только были соблюдены приличія. Отсюда и пословица, говорящая, что лицемѣріе одѣваетъ порокъ въ одежду добродѣтели.

Самый вопіющій произволъ нуждается въ санкціи.

Мы видѣли, что дворянство поставило свой произволъ подъ покровительсто Божьяго соизволенія. Буржуазія же не могла прибѣгнуть къ этому покровительству. Прежде всего потому, что Церковь была слишкомъ скомпрометирована тѣмъ, что въ продолженіе вѣковъ оказывала исключительное покровительство монархіи и родовой аристократіи, этому смертельному врагу буржуазіи, и еще потому, что буржуазія, что-бы она ни дѣлала, и чтобы ни говорила, въ глубинѣ своего сердца атеистична: она сохраняетъ милосерднаго Бога для народа; для нея же самой Богъ не нуженъ, и не въ храмахъ, посвященныхъ Господу, но въ храмахъ, посвященныхъ Золотому Тельцу, на Биржѣ, въ коммерческихъ и банкирскихъ конторахъ, въ большихъ промышленныхъ учрежденіяхъ обдѣлываетъ она свои дѣла. Вынужденная искать санкціи своего бытія внѣ Церкви, она нашла ее въ патентованной интеллигенціи.

Она знаетъ прекрасно, что главное и, можно сказать, единственное основаніе ея настоящаго поли-

тическаго могущества, это — ея богатство; но не желая и не будучи въ состояніи признаться въ этомъ, она старается объяснить это свое могущество превосходствомъ своего ума, если не прирожденнаго, то благопріобрѣтеннаго. Для господства надъ людьми нуженъ большой запасъ знаній, говоритъ она; а въ настоящее время только она обладаетъ обширными познаніями. Дѣйствительно, это— фактъ, что во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, буржуазія, включая сюда и дворянство, которое существуетъ теперь только по имени, этотъ господствующій и эксплуатирующій классъ, одинъ только, получаетъ болѣе или менѣе серьезное образованіе. Изъ буржуазіи же выдѣлился и тотъ немногочисленный классъ ученыхъ, который посвятилъ себя исключительному изученію величайшихъ проблемъ философіи, соціологіи и политики, который и составляетъ, собственно, новую аристократію, аристократію дипломированнаго и привилегированнаго ума.

Это квинтъэссенція буржуазнаго духа и буржуазныхъ интересовъ.

Современные европейскіе университеты, объединенные между собою на подобіе научной республики, оказываютъ буржуазіи въ настоящее время тѣ же услуги, какія нѣкогда католическая Церковь оказывала родовой аристократіи, и, какъ католицизмъ санкціонировалъ въ свое время всѣ насилія дворянства по отношенію къ народу, такъ въ настоящее время университетъ, этотъ храмъ буржуазной науки, поясняетъ и узаконяетъ эксплуатацію буржуазіей того же народа. Послѣ этого нужно ли удивляться тому, что въ великой борьбѣ соціализма съ буржуазной политической экономіей, наука рѣшительно стала и продолжаетъ стоять на сторонѣ буржуазіи?

Не будемъ входить въ обсужденіе послѣдствій; всегда лучше разсмотрѣть причины: такъ какъ школьная наука есть продуктъ буржуазнаго духа,

а представители этой науки родились, воспитались и получили образованіе въ буржуазной средѣ и подъ вліяніемъ ея духа и ея исключительныхъ интересовъ, то, какъ та, такъ и эти послѣдніе, естественно, являются противниками полнаго и совершеннаго освобожденія пролетаріата, и всѣ ихъ экономическія, философскія, политическія и соціальныя теоріи, старательно разработанныя въ этомъ духѣ, въ концѣ-концовъ, сводятся къ тому, чтобъ доказать рѣшительную неспособность рабочихъ массъ стоять у кормила правленія и исключительное призваніе буржуазіи управлять рабочими до скончанія вѣковъ, буржуазіи, которая образована, потому что богата и которая можетъ разбогатѣть еще больше, потому что обладаетъ образованіемъ.

Что мы должны посовѣтовать рабочимъ, чтобы выйти изъ этого заколдованнаго круга?

Разумѣется, учиться и овладѣть тѣмъ могучимъ оружіемъ науки, безъ котораго они могутъ произвести революцію, но никогда не были и не будутъ въ состояніи на обломкахъ буржуазныхъ привилегій установить равенство, справедливость и свободу, которыя составляютъ самое основаніе всѣхъ ихъ политическихъ и соціальныхъ стремленій. Вотъ пунктъ, въ которомъ мы совершенно сходимся съ буржуазнымъ соціализмомъ.

Но за нимъ слѣдуютъ два другіе, очень важные, въ которыхъ мы абсолютно расходимся съ ними:

1. Буржуазные соціалисты требуютъ для рабочихъ образованія, немного болѣе того, какое они получаютъ теперь, и оставляютъ привилегіи высшаго образованія для весьма немногочисленной группы счастливцевъ, скажемъ просто, для лицъ, принадлежащихъ къ классу собственниковъ, къ буржуазіи, или же лицъ, которые по той или другой счастливой случайности были восприняты въ лоно этого класса. Буржуазные соціалисты находятъ совершенно безполезнымъ, чтобъ всѣ полу-

чали одинаковое образованіе, потому что, если всѣ захотятъ предаться наукамъ, то некому будетъ заниматься физическимъ трудомъ, безъ котораго сама наука не могла бы существовать.

2. Они утверждаютъ, съ другой стороны, что прежде чѣмъ освободить рабочія массы, имъ нужно сначала дать образованіе и пока они не достигнутъ высшей образованности, имъ нечего и думать о коренномъ измѣненіи въ ихъ экономическомъ и соціальномъ положеніи.

Мы вернемся къ этимъ двумъ пунктамъ въ слѣдующемъ номерѣ.

„Egalite“ 24 іюля 1869 г.

„Усыпители“, какъ было уже сказано, остались неоконченными.

Цѣна 12 коп.